

Маркеры ренарратива в русском языке

Julija Nikolaeva

Sapienza Università di Roma, Italia

Abstract The present paper examines the Russian discourse markers 'мол' and 'дескать' as Renarrative markers that are generally considered conventional means to indicate information sources. Etymologically, they derive from *verba dicendi*. In this paper, relying on a large amount of occurrences taken from a Russian-Italian bilingual corpus composed by the Author, a qualitative analysis of their semantics is carried out. They can express different meanings: referring to someone else's text with accurate or inaccurate quoting, pointing to their information source, expressing doubts about the reliability of transmitted information, interpreting gestures through verbal means and sometimes having contact-establishing and intensifying functions. The present survey allows to affirm that these markers indicate evidentiality, because they create a distance between the information and the person that communicates this information and make an important contribution to evaluate the truthfulness of a proposition.

Keywords Russian Renarrative markers. Contrastive studies. Semantics. Evidentiality. Truthfulness.

Содержание 1 Введение. – 2 Этимология маркеров ренарратива. – 3 Семантика маркеров ренарратива в русском языке. – 4 Контрастивный анализ с итальянским языком. – 4.1 Нулевой эквивалент. – 4.2 Дескать, мол = dicono, dicevano, dico ecc. (синтаксические трансформации отсутствуют). – 4.3 Эксплицитная отсылка в источнику информации. – 4.4 Несобственно прямая речь => Прямая речь, вводимая глаголом *dire* в изъявительном наклонении. – 4.5 Несобственно прямая речь => Несобственно прямая речь, вводимая *come per dire, come a dire*. – 4.6 Несобственно прямая речь => Прямая речь, вводимая *come per dire, come a dire*. – 4.7 Эксплицитное выражение модальности сомнения. – 4.8 Мол как функциональный эквивалент - ка. – 4.9 Мол в контактоустанавливающей функции. – 4.10 Мол со значением усиления. – 5 Выводы.

Edizioni
Ca' Foscari

Studi e ricerche 20

e-ISSN 2610-993X | ISSN 2610-9123

ISBN [ebook] 978-88-6969-368-7 | ISBN [print] 978-88-6969-369-4

Peer review | Open access

Submitted 2019-06-17 | Accepted 2019-10-14 | Published 2019-12-18

© 2019 | Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

DOI 10.30687/978-88-6969-368-7/021

1 Введение

Категория эвиденциальности, или засвидетельствованности, существует как грамматическая категория в языках, распространенных в Гималаях, в центральной Евразии (преимущественно на Балканах и на Кавказе), в Амазонии и на западном побережье северной и центральной Америки. Эвиденциальность относится к модусной части высказывания (Бондарко 1990, 59; Храковский 2007, 603). Ее основным значением является указание на источник информации, из которого получены сообщаемые данные, а также отсылка к способу получения искомым сведений (Aikhenvald 2004, 3). Роман Якобсон в своей программной работе о шифтерах определил эту лингвистическую категорию «как область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений: говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица, на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) – косвенная засвидетельствованность – или на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти) – прямая засвидетельствованность» (Якобсон 1972, 101). Эвиденциальные значения рассматриваются ныне как элемент универсального грамматического набора (Chafe, Nichols 1986; Guentchéva 1996; Gresco 2012; Плунгян 2003, 321).

В русском языке эвиденциальные значения не грамматикализованы. Указание на источник информации может быть выражено лексически (*на моих глазах, говорят, как известно* и т.п.), интонационно и с помощью маркеров ренарратива (*мол, дескать, де, grit, якобы, будто* и др.). Эти дискурсивные слова отличаются по своей этимологии и четко распадаются на две группы: а). происходящие от глаголов речи (*мол, дескать* и др.), б). происходящие от единиц со значением сравнения, в том числе в составе сравнительной конструкции (*якобы, вроде, типа* и др.).

Маркеры ренарратива второй группы «указывают на ложность пропозиции, содержащейся в элементах чужого высказывания и дают отрицательную оценку поведения тех, кто пытается выдать эту пропозицию за истинную» (Апресян, Шмелев 2017, 20; Летучий 2008, 218-36; Rakhilina 1996, 299-304). Значение дискурсивных слов, восходящих к глаголам речи, характеризуется широким диапазоном и находится в центре современных лингвистических исследований. Именно эти маркеры ренарратива и являются объектом нашего исследования.

Цель данной работы состоит в том, что описать семантику дискурсивных слов *мол* и *дескать*, изучить с помощью параллельного русско-итальянского корпуса стратегии перевода на итальянский язык и верифицировать гипотезы русских

лингвистов методом контрастивного анализа с итальянским языком.

2 Этимология маркеров ренарратива

В языках мира наиболее распространено формирование ренарратива из перфектных глагольных форм. По такому пути пошли болгарский (Lindstedt 1985; Levin-Steinmann 2004) и другие языки балканского языкового союза (Friedman 2003, 189-218); тюркские (Johanson 2003, 273-90); финно-угорские языки (Leinonen 2000, 419-40) и другие (Козинцева 1994, 92-104; De Naan 2013; Aikhenvald, Dixon 2003). Русский язык в данном случае также идет по пути лексикализации спрягаемых форм глагола, но чаще всего отталкивается от форм настоящего времени несовершенного вида глаголов говорения (например, *де, грит, мол*), используя не самый распространенный способ маркирования, который однако находит параллели в западно-славянских языках (ср. чешское *prý* из *praví*, словац. *vraj* из *vrviet'* и *reku riest*). Дошедшие до наших дней тексты отражают уже грамматикализованные формы *мол* и *дескать* и зачастую не позволяют проследить полностью процесс их становления от глагольных форм до частиц, оставляя место для различных предположений.

По данным последних этимологических исследований, маркер *мол* мог восходить к форме третьего лица *молвитъ*, к форме императива *молви* или к форме причастия / усеченного перфекта *молвилъ* (Копотев 2014, 721-2). К моменту первой фиксации частицы *мол* формы на *-л* давно утратили связь с древнерусским перфектом (Копотев 2014, 729-31, 734-6), формы императивы маловероятны при оформлении маркеров ренарратива, именно поэтому наиболее привлекательной нам кажется гипотеза о настоящем времени.

Дескать возникло благодаря соединению частицы *де* с инфинитивом *сказать*, позже *скасть*, о чем свидетельствуют тексты с конца XVI века (Лазар 2011; Копотев 2014, 723). С точки зрения типологии, возможность образования ренарратива из инфинитива представляется редкой, почти уникальной. Она реализована в языке-изоляте пурепеча (Aikhenvald 2004, 118), в котором инфинитив используется с эвиденциальными значениями как самостоятельная синтаксическая вершина. Русская частица развивается из синтаксической группы, в которой инфинитив скорее зависим, чем выступает самостоятельно. Таким образом, типологически русская частица *дескать* является почти уникальным феноменом.

3 Семантика маркеров ренарратива в русском языке

В современной лингвистике нет единого мнения о семантике *мол* и *дескать*. Диапазон взглядов очень широк и включает в себя прямо противоположные оценки. Суть дискуссии сводится к ключевому вопросу: присутствует ли в семантике этих маркеров оценка достоверности передаваемой информации, а именно содержат ли они в себе элементы сомнения в достоверности передаваемой информации или всего лишь объективно отсылают к источнику ее получения. Широкий разброс мнений по этому вопросу касается не только русских маркеров ренарратива, но и более общего понимания категории эвиденциальности. Часть ученых не видит никакой связи между эвиденциальностью и оценкой истинности пропозиции (Буркова 2004, 353-74; Donabedian 2001), в то время как их противники утверждают, что связь с эпистемической модальностью неоспорима (De Haan, 1999).

Академическая грамматика 1980 г. характеризует маркеры ренарратива следующим образом: «На источник сообщения указывают (обычно с оттенком недостоверности) частицы *мол*, *де*, *дескать* (прост.)» (Шведова 1980, 226).

С точки зрения Н.Д.Арутюновой, основное назначение частиц *мол* и *дескать* - «маркировать присутствие Другого», дистанцируясь от него во времени, в субъективной трактовке ситуаций и событий, в идейной, этической, эстетической и социальной позиции (Арутюнова 2000, 448).

В контексте оппозиции «свой-чужой», в связи с коммуникативной ответственностью эти частицы анализирует А.Н.Баранов: «Рассматривая семантику *мол* и *дескать* в рамках идеи коммуникативной ответственности, можно утверждать, что *дескать* отражает нежелание говорящего брать на себя ответственность за чужое (в целом или частично), а *мол*, напротив, свидетельствует о том, что за какие-то фрагменты чужого опыта он готов разделить ответственность с автором цитаты. При таком подходе существенным оказывается выявление сферы действия своего и чужого и, соответственно, сферы разделения ответственности и отказа от нее» (Баранов 1994, 116).

В современном русском языке главным компонентом семантики частицы *мол*, как считает В. А. Плунгян, является идея приблизительного пересказа, при котором текст не воспроизводится точно, *дескать* предполагает интерпретацию первоначального текста, а *де* - его ироническую оценку. Таким образом, основное значение данных частиц характеризует не источник информации, а способ цитирования текста, т. е. «способ преобразования исходного текста в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего» (Плунгян 2008, 298-302, 306-7). При таком подходе история частиц *мол* и *дескать*

выглядит как постепенное изменение исходного эвиденциального значения в новое модальное значение, характеризующее сложное субъективное отношение говорящего к пересказываемому тексту. Этот переход наметился с конца XIX века, когда эвиденциальный компонент значения был вытеснен из современного русского узуса, а новый тип оценочной модальности, весьма сложный и ранее не описанный в лингвистике, еще не получил определенного осмысления в общей теории модальности (Плунгян 2008, 306-7).

4 Контрастивный анализ с итальянским языком

Для верификации гипотез русских лингвистов нами был собран пилотный двуязычный корпус, в котором каждое литературное произведение было представлено несколькими переводами на итальянский язык. Необходимость создания этого пилотного корпуса продиктована тем, что параллельный русско-итальянского корпус, относящийся к НКРЯ, недостаточно репрезентативен в отношении маркеров ренарратива *мол* и *дескать* (93 вхождений на *мол* и 61 вхождение на *дескать*). По совокупности нами было рассмотрено 306 вхождений дискурсивного слова *мол* и 293 вхождения на *дескать*. Нам удалось выявить следующие переводческие стратегии, представленные ниже:

4.1 Нулевой эквивалент

я на минутку вышел, встречаю вдруг генерала и до того еще хмельного, что меня не узнал; стоит предо мной как столб; так и накинулся на меня, как очнулся: «Что, *дескать*, большой? Я шел узнать про больного...». (Ф.М. Достоевский, *Идиот*)

sono uscito subito e mi sono imbattuto nel generale ancora sbronzo a tal punto che non ha riconosciuto, se ne stava impalato dinanzi a me, poi si è ripreso e mi si è scagliato addosso: “Come sta il malato? Ero venuto ad informarmi sul suo stato”. (F.M. Dostoevskij, *L'idiota*, 2000, trad. Licia Brustolin, 511)

— Так, так, — закричал граф, и весело схватив сына за обе руки, закричал: — Так вот же что, попался ты мне! Возьми ты сейчас сани парные и ступай ты к Безухову, и скажи, что граф, *мол*, Илья Андреич прислали просить у вас земляники и ананасов свежих. (Л.Н. Толстой, *Война и мир*)

“Proprio così, proprio così!” – esclamò il conte, e prendendo allegramente il figlio per entrambe le mani, prese a gridare: “Però senti, mi capiti proprio a proposito! Prendi la slitta col tiro a due, e va’ da Bezúchov, a dirgli che il conte Il’jà Andréevič manda a chiedere degli ananassi e delle fragole fresche”. (Lev Tolstòj, *Guerra e pace*, 1999, trad. Igor Sibaldi, vol. 2, 474)

4.2 **Дескать, мол = dicono, dicevano, dico ecc.** (синтаксические трансформации отсутствия)

— А что ж такое она пропела, не помните ли? — Да, кажется, вот так: “Стройны, *дескать*, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нём золотые”. (М.Ю. Лермонтов, *Герой нашего времени*)

“E quello che cantò, non lo ricorda?” “Sì, mi sembra, cantò così: ‘Son snelli, *dicono*, i nostri giovani cavalieri, e i loro caffettani d’argento son coperti, ma il giovane ufficiale russo è più snello di loro, e i suoi galloni sono d’oro’. (Michail J. Lermontov, *Un eroe dei nostri tempi*, 2004, trad. Paolo Nori, 19)

Еще недавно Иван Васильевич пожаловался Лене: «Приходит Соколовский и просит, чтобы я отменил приказ об увольнении Крапивы. У него, *мол*, жена больна, какая-то функциональная система и так далее». (И.Г. Эренбург, *Оттепель*)

Anche di recente Ivàn Vasíljevič si era lagnato con Lena: — Arriva Sokolovskij e mi chiede di annullare il licenziamento di Krapiva; sua moglie, *dice*, è malata, e poi il sistema funzionale... eccetera. (Il’jà Ehrenburg, *Il disgelo*, 1963, trad. C.C., 53)

4.3 **Эксплицитная отсылка в источнику информации**

Ни один медицинский работник, *дескать*, не должен в лагере заботиться о своей судьбе, блатари ему помогут материально и морально. (В.Т. Шаламов, *Колымские рассказы*)

A sentir i malavitosi, nessun membro della categoria medica doveva preoccuparsi della propria sorte nel lager: l’avrebbero aiutato loro, sia materialmente che moralmente. (Varlam Šalamov, *I racconti di Kolyma*, 1999, trad. Sergio Rapetti, 177)

— Мёртвого грабишь. Я вот скажу всем, что ты его деньги

заесть хочешь... — пригрозил Тяпа. — Глуп ты, старый чёрт, — презрительно сказал Кувалда. — Не глуп я... а только нехорошо, *мол*, не по-дружески. (Максим Горький, *Бывшие люди*)

— Rubi un morto... aspetta, dirò a tutti che vuoi appropriarti del suo danaro. — Quanto sei bestia, vecchio diavolo! Esclamò Kuvalda con disprezzo. — Non sono affatto bestia... Ma non sta bene, non sta bene, *te lo dico io...* non è agire da amico. (Maxim Gorkij, *Gli ex-uomini*, trad. Eugenio Wenceslao Foulques)

Лука Савич, *мол*, охотник большой, не терпится ему... (Иван Гончаров, *Обломов*)

Corre voce che Lukà Savič sia un appassionato e non vede l'ora di... (Ivan Gončarov, *Oblotov*, trad. Argia Michettoni).

4.4 Несобственно прямая речь => Прямая речь, вводимая глаголом *dire* в изъявительном наклонении

Увидит Дружина Андреич заплаканные глазки боярыни, на нас же осердится: не умеете вы, *дескать*, глупые, и занять ее! (А.К. Толстой. *Князь Серебряный*)

Drujina Andreevič vedrà che i cari occhi della boiarinia hanno pianto, si adirerà con noi e ci dirà: «Stupide, non siete buone di tenerla allegra!» (Conte Alessio Tolstoj, *Il principe Serebriany*, 1939, trad. Muzio Demaldè, Anna Jankhontow, 48)

Ты жалуешься - я, *мол*, не виноват. Ты перестал быть человеком, который ей необходим. Разве это не твоя вина?... Ты удивляешься - как изменилась эта девушка! Как изменился мир вокруг! (Сергей Довлатов, *Филадельфия*)

Ti lamenti che non è colpa tua. Hai smesso di essere l'uomo di cui lei aveva bisogno. Non è forse colpa tua? Ti stupisci di quanto sia cambiata questa ragazza, di quanto sia cambiato il mondo attorno a te! (Sergej Dovatov, *La filiale New York*, 1999, trad. Laura Salmon)

4.5 Несобственно прямая речь => Несобственно прямая речь, вводимая *come per dire*, *come a dire*

Опять рисуется Гусеву большой пруд, завод, деревня... Опять едут сани, опять Ванька смеется, а Акулька-дура распахнула шубу и выставила ноги: глядите, *мол*, люди добрые, у меня не

такие валенки, как у Ваньки, а новые. (А.П. Чехов. *Гусев*)

Di nuovo Gùsev si figura il grande stagno, la fabbrica, il villaggio ... Di nuovo corre la slitta, di nuovo Vànka ride, ma Akùlka, la sciocca, ha sbottonato la pelliccia e mette in mostra le gambe, *come per dire*: guardate un po' brava gente, io ho gli stivali di feltro nuovi, e non come quelli di Vànka. (Cèchov, *Racconti e novelle, Gùsev*, 1963, trad. G. Faccioli, vol. 2, 591)

4.6 Несобственно прямая речь => Прямая речь, вводимая *come per dire, come a dire*

A супруга его, очень почтенная дама, просто даже приревновала пирата к Коровьеву и даже ложечкой постучала...—и что ж это, *дескать*, нас задерживают... Пора и мороженое подавать! В чем дело? (М.А. Булгаков, *Мастер и Маргарита*)

La sua consorte, una signora rispettabilissima, divenne addirittura gelosa delle premure che il pirata dimostrava per Korov'ev, e picchiò perfino col cucchiaino, *come a dire*: “perché ci fanno aspettare?... Sarebbe ora di servire il gelato. Che succede?...” (Mikhail Bulgakov, *Il Maestro e Margherita*, 1967, trad. Vera Dridso)

Харлама отпустила, а мне эдак глазком, еще *мол* у меня дело до тебя, зайди потом или останься. (Борис Пастернак, *Доктор Живаго*)

Congedò Charlàm e a me, invece, strizzò l'occhio *come per dire*: “Ho ancora un lavoro per te, vieni dopo o rimani”. (Boris Pasternak, *Il dottor Zivago*, trad. Pietro Zveteremich)

4.7 Эксплицитное выражение модальности сомнения

его слушали равнодушно-недоверчиво, как будто не желая только противоречить и доказывать противное — «пускай говорит», *мол*, и что ежели он не выказывал явного презрения к кутежу товарищей — водкой, к игре на пятирублевый банк, и вообще к грубости их отношений, то это надо отнести к особенной кротости, уживчивости и рассудительности его характера. (Л.Н. Толстой, *Севастопольские рассказы. Севастополь в мае*)

essi lo ascoltavano con incredula indifferenza, come se non desiderassero contraddirli e dimostrarli il contrario. “Lascia un po' che parli” *sembrava dicessero*, e, se egli non dimostrava un palese di-

sprezzo per i divertimenti dei compagni, vodka e gioco con posta di cinque rubli, e in genere per la rozzezza dei loro modi, questo bisognava ascriverlo a una particolare dolcezza e spirito d'adattamento e ragionevolezza del suo carattere. (Lev N. Tolstòj, *Racconti di Sebastopoli*, 1962, trad. Lucetta Negarville Minucci, 274-5)

После некоторого молчания Янко продолжал: — Она поедет со мною; ей нельзя здесь оставаться; а старухе скажи, что, *дескать*, пора умирать, зажилаясь, надо знать и честь. Нас же больше не увидит. (М.Ю. Лермонтов, *Герой нашего времени*)

E dopo un po' di silenzio, riprese: "Ella verrà con me... non può più restare qui: di' alla vecchia che *mi pare sia* per lei giunta l'ora di morire, che ormai è vissuta abbastanza e che è tempo di andarsene. Noi non ci vedrà più!" (Michail J. Lermontov, *Un eroe del nostro tempo*, 1983, trad. Giacinta De Dominicis Jorio, 77)

Эстонцы, латыши, литовцы умирали первыми повсеместно. Они первыми доходили, что вызывало всегда замечания врачей: *дескать*, вся эта Прибалтика послабее русского народа. (В.Т. Шаламов, *Колымские рассказы*)

Dappertutto i primi a morire erano gli estoni, i lettoni, i lituani. "Scoppiavano" per primi, cosa che faceva sempre dire ai medici: *a quanto pare* questa gente del Baltico è più debole del popolo russo. (Varlam Šalamov, *I racconti della Kolyma*, 2009, trad. Marco Binni, 154)

А чего стоит только посмотреть, как подписывают протокол! Один — послушно кивая, *мол*, мы люди темные, что нам скажете подписать, то и подмахнем, другой будет сверять даже правописание географических названий. (Михаил Шишкин, *Венерин волос*)

Vale la pena anche solo vedere come firmano il verbale! Uno annuisce docilmente, *quasi dicesse* siamo gente ignorante, quel che ci date da firmar lo firmiamo, l'altro si mette a controllare persino lì ortografia dei nome geografici. (Mikhail Shishkin, *Capelvenere*, 2005, trad. Emanuela Bonacorsi, 24)

Или уговор у него с собой был - *мол*, столько-то раз со смертью сыграю, и баста. (Борис Акунин, *Азазель*)

A meno che non avesse concluso un patto con se stesso; *potrebbe essersi detto*: gioco con la morte un certo numero di volte, e poi basta. (Boris Akunin, *La regina d'inverno*, trad. Pia Pera)

Видит, суматоха, дай, думает, под шумок волость взорву. На других, *мол*, подумают. (Борис Пастернак, *Доктор Живаго*)

Visto quel casino, avrà pensato: con questa confusione faccio saltare in aria gli uffici. Daranno la colpa a un altro, *avrà pensato*. (Boris Pasternak, *Il dottor Zivago*, trad. Pietro Zveteremich)

4.8 Мол как функциональный эквивалент - ка

— Что ж говорить? Прихожу, никого нет; часовой лежит, раскидавши ноги. Я говорю: дай, *мол*, испробую, крепка ль дверь? Понапер в нее плечиком; а она как была, так с заклепами и соскочи с петель! (А.К. Толстой, *Князь Серебряный*)

— Come devo dire? Sono andato e non ho visto nessuno: la sentinella giaceva supina con le gambe aperte. Allora mi son detto: vediamo un po' di provare se resiste la porta. Mi sono appoggiato ad essa con la spalla e così com'era, con tutte le serrature, è saltata fuori dai cardini. (Conte Alessio Tolstoj, *Il principe Serebriany*, 1939, trad. Muzio Demaldè, Anna Jankhontow, 239)

Фандорин увидел, что фэтон останавливается, и ткнул извозчика в спину — *мол*, кати дальше, не выдавай. (Борис Акунин, *Азazelь*)

Fandorin vide che il phaeton stava per fermarsi e diede un colpo nella schiena al vetturino: su, sorpassalo, non tradirmi. (Boris Akunin, *La regina d'inverno*, trad. Pia Pera)

4.9 Мол в контактноустанавливающей функции

Англичанин стоит и сзади держит на веревке собаку, и под собакой разумеется Наполеон: «Смотри, *мол*, говорит, если что не так, так я на тебя сейчас выпущу эту собаку!» (Н.В. Гоголь, *Мертвые души*)

l'inglese, piantato lì, si teneva alle spalle, a guinzaglio, un cane e il cane rappresentava Napoleone: — Bada, sai, — diceva l'inglese, — che se per poco non fai a modo, io ti sguinzaglio addosso questo cane. (Nikolaj Gogol', *Le anime morte*, 1994, trad. Agostino Villa, 205)

4.10 Мол со значением усиления

— Вишь, научила ловко, за ней в крепость иди! Дома разори да в кабалу и ступай. Как же! Я хлеб, мол, отдам! — слышались голоса в толпе. (Л.Н. Толстой, *Война и мир*)

“Ma guarda un po’, bel consiglio ci dà, di andarle dietro come degli schiavi! Mandate in rovina casa vostra, e andate a tirare il carro come le bestie, così dice lei. E come no! E pure il grano ci vuol dare!” si udivano le voci nella folla. (Lev Tolstòj, *Guerra e pace*, 1999, trad. Igor Sibaldi, vol. 3, 1137)

Данные нашего пилотного корпуса выстраиваются в шкалу, в которой степень сомнения в истинности пропозиции нарастает от нулевой до высокой. В группе примеров маркеры ренарратива выступают в металингвистической функции, интерпретируя вербальными средствами жесты (пункт 4.5). Отдельного внимания заслуживают переводческие стратегии, выводящие из тени источник информации и называющие его (пункт 4.3), хотя в оригинальном русском тексте эта информация содержится только имплицитно. Называние конкретного источника информации позволяет говорящему снять с себя ответственность, переложив ее на других. Распространенной переводческой стратегией является введение в итальянский текст маркеров *словно говоря / как бы говоря (come per dire / come a dire)*, содержащих элемент сравнения (пункты 4.5 и 4.6). Уместно будет вспомнить, что в русском языке дискурсивные слова *якобы, вроде, типа* и другие, этимологически восходящие к сравнительным оборотам, при передаче чужой речи всегда передают семантику неуверенности и сомнения. Еще более убедительно и полномерно семантика сомнения в итальянском тексте передается с помощью обширного набора грамматических и лексических средств: вводятся глаголы *sembrare, parere (казаться)* и *мочь (potere)*, формы сослагательного наклонения и составного будущего времени в модальном значении, добавляется показатель сомнения *может быть* (пункт 4.7).

На фоне общей тенденции, в которой проявляется различная степень речательства говорящего за содержание высказывания, особняком стоят редкие случаи, объяснение которым невозможно найти в научной литературе о дискурсивном слове мол, а именно попытки переводчиков передать его контактноустанавливающий, побудительный или усилительный смысл (пункты 4.8, 4.9 и 4.10). Подобные трактовки единичны, но они не кажутся нам проявлением переводческой неосмотрительности или неумелости. Мы сочли необходимым привести их как свидетельство того, что переводчики уловили в

тексте модальный оттенок, отличный от простого утверждения, но не увидели достаточных оснований для передачи сомнения.

5 Выводы

Данные собранного нами корпуса свидетельствуют о том, что семантика маркеров *мол* и *дескать* многогранна и включает в себя следующие значения: отсылка к чужому тексту с точным или неточным цитированием его, указание на источник информации, выражение сомнения в достоверности передаваемой информации, интерпретация жестов с помощью вербальных средств языка и реже - контактноустанавливающая, побудительная и усилительная функции. Описанный в работе инвентарь форм, с помощью которых в итальянском языке эксплицитно передается сомнение в подлинности высказывания, обширен и разнообразен. Видимо, в интерпретации семантики маркеров *мол* и *дескать* ведущую роль играет контекст, но при нынешнем состоянии теории модальности мы не можем описать, какие именно факторы предопределяют конкретную контекстуальную трактовку этих маркеров.

С уверенностью можно утверждать, что маркеры ренарратива *мол* и *дескать* выражают эвиденциальные значения, напрямую связанные с эпистемической модальностью, ибо дистанцируют говорящего от сообщаемой информации. Следовательно, они вносят свой вклад в оценку истинности пропозиции.

Литература

- Апресян Валентина Ю., Шмелев, Алексей Д. (2017). «Ксенопоказатели по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское якобы». *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 2, 17-29.
- Арутюнова, Нина Д. (2000). «Показатели чужой речи *де*, *дескать*, *мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов». Арутюнова, Нина Д. (под ред.), *Язык о языке*. Москва: Языки русской культуры, 437-452.
- Баранов, Анатолий Н. (1994). «Заметки о *дескать* и *мол*». *Вопросы языкознания*, 4, 114-24.
- Бондарко, Александр В. (отв. ред.) (1990). *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*. Ленинград: Наука.
- Буркова, Светлана И. (2004). «Эвиденциальность и эпистемическая модальность в венецком языке». Ландер, Юрий А., Плунгян Владимир А. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3. *Ирреалис и ирреальность*. Москва: Гнозис, 353-74.

- Козинцева, Наталья А. (1994). «Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа)». *Вопросы языкознания*, 3, 92-104.
- Копотев, Михаил В. (2014). «Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика?». *Acta linguistica petropolitana*. Труды института лингвистических исследований, 10(2), 712-40.
- Лазар, Мария (2011). «Эвиденциальная частица де(и) и другие эвиденциальные частицы в истории русского языка». *Русский язык в научном освещении*, 22(2), 116-38. URL <http://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2011-2/116-138> (2019-02-26).
- Левонтина, Ирина Б. (2010). «Пересказывательность в русском языке». *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 9(16), 284-8.
- Летучий, Александр Б. (2008). «Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность». Wiemer, Björn, Plungjan, Vladimir A. (Hrsgg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. München: Sagner, 215-38.
- Николина, Наталия А. (2014). «Функционирование частиц мол, де, дескать в современной речи». *Русский язык в школе*, 12, 64-9.
- Падучева, Елена В. (2011). «Показатели чужой речи: мол и дескать». *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 70(3), 13-19.
- Плунгян, Владимир А. (2003). *Общая морфология. Введение в проблематику*. Москва: УРСС.
- Плунгян Владимир А. (2008). «Опоказателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие». Wiemer, Björn; Plungjan, Vladimir A. (Hrsgg.), *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. München: Sagner, 285-311.
- Храковский, Виктор С. (2007). «Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность». Храковский, Виктор С. (отв.ред.), *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. Санкт-Петербург: Наука, 600-32.
- Шведова, Наталия Ю. (1980). *Русская грамматика*. Т. 2. Москва: Наука.
- Якобсон, Роман О. (1972). «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол». Ревзина, Ольга Г. (под ред.), *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва: Наука, 95-113.
- Aikhenvald, Alexandra Y. (2004). *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.
- Aikhenvald, Alexandra Y.; Dixon, Robert (eds) (2003). *Studies in Evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Collins, Daniel E. (2001). *Reanimated Voices: Speechreporting in a Historical-pragmatic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing.
- Chafe, Wallace L.; Nichols Joahanna (eds) (1986). *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Norwood: Ablex.
- De Haan, Ferdinand (1999). «Evidentiality and Epistemic Modality: Setting Boundaries». *Southwest Journal of Linguistics*, 18, 83-101.
- De Haan, Ferdinand (2013). «Coding of Evidentiality». Dryer, Matthew S.; Haspelmath, Martin (eds), *The World Atlas of Language Structures Online*. URL <https://wals.info/feature/78A#2/16.6/149.9> (2019-04-22).
- Donabedian, Anaid (2001). «Toward a Semasiological account of Evidentials: an Enunciative Approach of -er in Modern Western Armenian». *Journal of Pragmatics*, 33(3), 412-42.

- Friedman, Victor (2003). «Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian». Aikhenvald, Alexandra Y; Dixon, Robert (eds), *Studies in Evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 189-218.
- Greco, Paolo (2012). *Evidenzialità. Storia, teoria e tipologia*. Roma: Aracne.
- Johanson, Lars (2003). «Evidentiality in Turkic». Aikhenvald, Alexandra Y.; Dixon, Robert (eds), *Studies in Evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 273-90.
- Leinonen, Maria (2000). «Evidentiality in Komi Zyryan». Johanson, Lars; Utas, Bo (eds), *Evidentials*. Berlin: Mouton de Gruyter, 419-40.
- Levin-Steinmann, Anke (2004). *Die Legende vom bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktion der kopulalosen I-Periphrase*. München: Otto-SagnerVerlag.
- Lindstedt, Jouko (1985). *On the semantics of tense and aspect in Bulgarian*. Helsinki: University Press.
- Nuyts, Jan (2001). «Subjectivity as an Evidential Dimension in Epistemic Modal Expressions». *Journal of Pragmatics*, 33(3), 383-400.
- Rakhilina, Ekaterina V. (1996). «Jakoby comme un moyen de médiatisation en russe». Guentchéva, Zlatka (éd.), *L'énonciation médiatisée*. Paris: Peeters Publishers, 299-304.
- Squartini, Mario (2004). «Disentangling Evidentiality and Epistemic Modality in Romance». *Lingua*, 114, 873-95.
- Willet, Thomas (1988). «A Cross-linguistic Survey of Grammaticalization of Evidentiality». *Studies in Language*, 12, 51-97.